

«ХАН-АЛТАЙ» Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА: МИФОПОЭТИКА ЭРОСА*

Аннотация: Г.Д. Гребенщиков – крупный русский писатель-эмигрант XX столетия. Его литературное наследие обращено к судьбе Алтая. Тайну Алтая писатель связывает с силой божественного Эроса. В «Хан-Алтае» любовь воплощает Всеединство мира, и счастье даётся жертвенной жизнью, страданием. Взгляд художника обращен к заветному преобразению мира, когда зло теряет свою силу.

Ключевые слова: миф, поэтика, закон любви, взаимное притяжение.

Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1882-1964), один из наиболее крупных и значительных русских писателей-эмигрантов XX столетия, оставил богатое литературное наследие, лучшие страницы которого обращены к судьбе загадочного Алтая. Большая часть его жизни прошла в эмиграции, но и там все его помыслы и надежды были связаны с родной Сибирью, Ханом-Алтаем – землёй сказочно-прекрасной и таинственной, землёй, рождающей исполинов.

Гребенщиков в течение всей своей нелёгкой эмигрантской жизни обращается к малой Родине, к Алтаю. Огромна его приверженность к этой священной земле и её людям: «любовь к Алтаю он воплотил даже в названии своего издательства „Алатас” – это слово по-алтайски означает пёстрый магический камень на синих горах с блеском снежных крыльев» [1].

Алтай – особое таинственное пространство, воспетое во многих мифах и легендах. Это земля, где дышит тайна Беловодья, таинственного сакрального центра русского религиозного несломленного духа. Там текут белые воды легендарной Катунь, там где-то «златая гора», дорогу к которой можно найти только избранным – людям с чистым сердцем. Эту дорогу нашёл Г.Д. Гребенщиков, «жизнь которого насквозь мифологична» [2]. Писатель слагает свой миф об этой земле. Мифопоэтика оказывается здесь наиболее приемлемым средством выражения таинственной природы Алтая.

Тайну Алтая писатель связывает прежде всего с великой универсальной силой, которая владеет миром. Это сила божествен-

ного Эроса. Всё в его алтайском этиологическом мифе предстаёт в едином эротическом порыве, всё подчинено этому всеобщему закону любви. По Гребенщикову, любовь – путь преобразования, путь к «потерянному раю».

Авторский миф о происхождении «загадочной страны» эротичен в своей сущностной основе. Эрос представлен здесь во множестве и разнообразии своих проявлений, но прежде всего – это сила взаимного притяжения. В «Хане-Алтае» древнее бытие эротично в высочайшем смысле этого слова. У Гребенщикова мифология Эроса глубинно-онтологична. Тайна создания мира открывается через любовь.

«Хан-Алтай» – сказка в семи главах, иллюстрирующая самобытный взгляд писателя на предания алтайского народа. Эта сказка генетически восходит к алтайской мифологии, в частности, к космогоническим мифам (миф о сотворении мира, миф о чудесном рождении пророка Ойрота), средствами воплощения которых выступают текстопорождающие мотивы, выраженные мифопоэтическими образами, мифологемами, которые соотнесены с классическими стихиями: огня, воды, земли, воздуха. Здесь царит мифологическое время – особая эпоха первотворения. В мифе об Алтае совмещаются диахронический и синхронический подходы. Рассказ о прошлом выступает как способ постижения будущего. Художник обращается к семантике этиологического мифа, в центре которого – тема любви.

Главный лейтмотив сказки – любовь как основа «вечной жизни». Гребенщиков не случайно обращается к этой теме. Писатель понимает любовь как основу великого Всеединства мира: «Пастух – простой Алтай-Кижь и Чулышман-богатырь – река, и Хан-Ойрот – пророк и сам великий Хан-Алтай – Ульгень – все в единой песне сливаются (Курсив наш. – Т. П.), когда утро встает. Все согласным хором единый гимн поют, гимн вечной жизни и Владыке светлых звёзд. Многие, многие реки текут, новые струи рождаются, новые, новые слова поют. А песня у всех одна, песня – любовь!» [3].

В «Хане-Алтае» представлен синтез идей, выражающих традиционные извечные общечеловеческие ценности: торжества добра над злом, любви над ненавистью. Всё это

* © Полякова Т.А.

имеет отношение прежде всего к семейной теме, которая сохранила важнейшую мифологическую оппозицию *низкое/высокое* по отношению к происхождению героев: Алтай-Кижид родился бедным пастухом и полюбил знатную ханскую дочь. Источник текстопорождающего конфликта состоит, прежде всего, в нарушении норм семейных отношений: развивается обычный мифологический мотив непослушания – ханская дочь Катын-Су влюбляется в пастуха. Урсул-Ойрот – необычный человек, ибо он и беден, и необычайно богат. Его душа открыта всему миру, всё вокруг него прекрасно и гармонично: «Урсул слышит кукушку и жаворонка. Урсул слышит прибрежную волну и ласковый шёпот деревьев. Урсул чувствует нежные объятия душистого горного ветра» [3, 179]. Богатство Урсул-Ойрота – окружающее его пространство, его способность не только видеть, созерцать красоту Алтая, но и сливаться с ней в единое целое живого, таинственного мира. Он не чувствует своей бедности, потому что в его душе живёт особая гармония – человека и мира, который пронизан энергией божественного Эроса. При этом Эрос в гребенщиковском мифе – это неотъемлемая составляющая не только человеческой сущности, но и природный феномен, так как сама природа, её стихии, горы, растительные духи – всё окружающее пространство подвластно любви, всё с благоговением и одновременно со страхом наблюдает за влюблёнными: «... весь Алтай, вся земля, всё небо, все ночные звезды слушали Урсул-Ойрота-Пастуха и молчали, молчали, молчали... <...> Когда ... проснувшаяся первая любовь поёт – все молчат, все слушают, все вспоминают, все ждут – все благоговейно молятся» [3, 181].

Гармония мира глубоко символична. Символизм Гребенщикова – важнейшая черта его мифопоэтики. Но эта особая символика, главным свойством которой является диффузность, неотчётливость в разделении вещи и слова, существа и его имени, порою амбивалентна и даже внутренне противоречива. Писатель создаёт свой язык мифопоэтических символов.

Символичен и образ ханской дочери Катын-Су. Это не только возлюбленная пастуха, это знак вечного женского начала, выражающий одну из сторон божественной природы, ведущий к мировой гармонии. Прекрасная Катын-Су несёт в себе загадочную тайну бытия. Она прекрасна как самый лучший, самый «первый цветок в ... Саду земли» [3, 181]. Но её красота носит амбивалентный ха-

рактер. С одной стороны, это символ радости, любви: «Катын-Су – сладкий плод великой любви, Катын-Су – самая светлая радость народов Алтая...» [3, 181]; с другой стороны, это символ раздора, несчастья, все хотят сорвать «прекрасный цветок»: «Один хан грозитя убить себя – нет радости жить без любви Катын-Су. Другой грозитя украсть Катын-Су. Третий грозитя на хана войной пойти, чтобы силой отнять Катын-Су» [3, 181].

Бойтса за свою дочь великий Хан-Аган: он «уже многих обидел знатных людей: прогнал ханов и ханских сыновей, и великих езжих князей. Никто не смеет любить Катын-Су, никто не смеет помышлять о женитьбе на ней. Никто не смеет даже смотреть на неё» [3, 181].

Но кто может остановить настоящую любовь, какие силы встанут у неё на пути? Любовь Катын-Су и Урсул-Ойрота – это проявление космического Эроса, способного преодолеть любые преграды: Катын-Су «бросит ханскую ставку и сама босиком придёт» [3, 183] к своему возлюбленному.

Любовь Урсула-Ойрота и Катын-Су обнаруживает подлинную сублимирующую силу взаимного притяжения:

«Тут снова родился на свет Ойрот.

Тут впервые почувяла себя *царственной женщиной* (Курсив наш. – Т.П.) Катын-Су.

Как жених, как ханский сын, как могучий богатырь снял её с лошади Урсул-Ойрот-Пастух.

Тут впервые узнали они оба и сладость и жертву – любви» [3, 183].

Эта любовь – это не только соединение двух человеческих половинок, но слияние с мировой душой, которая ассоциируется с образом вечной Женственности.

Возможно, поэтому Гребенщиков актуализирует мифопоэтический образ-символ птицы, с которой он сравнивает Катын-Су: «Как птицы в клетках, влюблённые бились, ломая хрупкие перья крыльев. Как *отравленная ласточка* (Курсив наш. – Т.П.), лежала в огне любви и горя Катын-Су. Как сокол молодой, сидел Урсул-Ойрот на привязи под жесткими дозорами ханских слуг» [3, 183]. В мифопоэтике образы птиц нередко отождествляются с высшей мудростью, воплощают дух огня и солнечную энергию. Вместе с тем семантика птичьих образов совмещает в себе полярные начала. Так, в архаических представлениях образ ласточки обладает широкой символикой: от символа жажды духовной пищи; вестника добра, счастья, начала, надежды, возрождения; до символа опаснос-

ти, непрочности и ненадежности счастья, смерти.

Птичий код, введенный в мифопоэтическое пространство, помогает глубже понять божественную природу эротической стихии, её огненную сущность. Такова и природа любви возлюбленных, которая выражена в одних и тех же образах внутреннего и внешнего огня. Это типично для мифопоэтического дискурса, в котором душевные состояния людей сравниваются с солнцем, с солнечным светом, лучом. В мифопоэтике «Хана-Алтая» любовь сохраняет традиционную для народного сознания семантику огня, света и тепла: «Так два луча любви сплелись и стали цепью – кововой, серебряной» [3, 184].

Кроме того, важную роль в мифопоэтике сказки играют образы, соотнесенные с классическими стихиями – *огня, воды, земли, воздуха*. Они вступают в особую связь с человеком: «и стали горы, лес, ветер и небо – щитами для любимого и для любимой» [3, 184]; «и стало тесное дупло старой лиственницы светлым прибежищем для великого сердца Ойрота» [3, 184]. Здесь люди, птицы, растительный мир, природные стихии приобщены ко всеобщему движению, к космической гармонии, к победе любви над ненавистью.

Но любовь – это не только красота, сила и радость. Любовь и смерть идут рядом, ибо «Бог жизни и бог смерти – один и тот же бог» (В. Соловьёв). Гребенщиков показывает эту непостижимую загадочную близость любви и смерти. Влюблённым предстоит смертельная разлука. Прекрасная Катын-Су похищена властелином подземного царства самим Эрликом. Катын-Су здесь воплощает земную красоту, красоту самой жизни, пронизанной лучами света, лучами радости, которая томится в царстве теней. Два противоположных полюса структурируют мифопоэтическое пространство – Эрос и Танатос. В «Хан-Алтае» это очень близко древнейшему мифу о Деметре и её дочери Персефоне, где «отражена также извечная борьба жизни и смерти» [4], в которой Аид не всемогущ: Зевс приказывает вернуть Персефону матери. Так и победа злого духа – духа подземного, духа смерти – Эрлика не окончательна.

Любовь, что «превыше гор», не сдаётся: она уповает на «суждённый час». Но чтобы его приблизить, Урсул-Ойрот молит свободную крылатую стихию даровать ему силу и непобедимость. С ветром он обсуждает «великую думу». Ветер, как символ безграничной свободы, не знающей преград, освободит «от горя и нужды» любовь Алтая – Катын-Су.

Для этого нужна жертва, жертва великой любви, на которую добровольно соглашается влюблённый:

*«Усыпи, эй, ветер, и меня великим сном
тысячелетий,
Чтобы встал-проснулся я богатырём
могучим,
Чтобы снова насадил я на земле для всех
людей великий сад прекрасный,
Чтобы не было тогда под небом даже
памяти о злом Эрлике,
Чтобы Катын-Су любимая жила счастливо
под моей защитой»* [3, 188].

Показательно, что в ответ на бесстрашие и мужество героя «откуда-то луч блеснул, как будто почуяла Катын-Су отвагу Ойрота и послала ему свою улыбку любви» [3, 185].

И свет, и луч, и вода, и ветер – все стихии мира предстают как великие силы непобедимого Эроса, силы Всеединства. В самую тяжёлую минуту на помощь Урсул-Ойроту, приходит «друг и брат ... – Горный Дух» [3, 187].

Гребенщиков обращается в произведении к древней ритуально-мифологической семантике, показывая, что мир, живой, обычный, таит в себе другое измерение, космическое мироздание откликается человеческим страданиям, помогает герою найти дорогу к вечности. Приходит Урсул-Ойроту на помощь и воздушная стихия: «Воздух, одна из фундаментальных стихий мироздания. Как и огонь, воздух соотносится с мужским ... духовным началом в противоположность земле и воде, относящимся чаще всего к началу женскому...» [4; I, 241].

Воздух, его дыхание – ветер – обладает множеством символических значений. Дуновение связано с принципом жизни, животворящим духом. «Во многих мифологиях ... дуновение наделяется магической функцией: дуновение ... разрушает вражеские укрепления, обращает врагов в камни и т. п.» [4; I, 241]

И в «Хане-Алтае» ветер превращает Урсул-Ойрота в камень – «великан гранитный». Эти метаморфозы не случайны: победить Эрлика может только богатырь. Вот и просит Урсул своего помощника – «вольного ветра» – даровать ему силу и непобедимость, усыпить великим сном, чтобы проснуться богатырём могучим, который заступится за свою возлюбленную Катын-Су и освободит «от горя и нужды и злой неправды – весь народ алтайский» [3, 188].

«Так чудо великой любви и жажды прав-

ды для Алтая превратили бедного пастуха в горного богатыря и хана, окаменевшего до положенного срока» [3, 189]. Мифологические функции образа горы в гребенщиковском тексте многообразны. Здесь гора-богатырь воспринимается как образ освобождения, возрождения прекрасного Алтая: «И встанут все богатыри – все горы. Встанут и пойдут великой ратью на Эрлика. Встанут и начнут, начнут последнюю войну со злом великим. И освободят <...> бессмертную любовь Алтая» [3, 189]. В художественной мифологии гора – это своего рода «модель Вселенной», но Вселенной многослойной, совмещающей в себе единство трёх реальностей: земной, подземной и небесной. Но в гребенщиковском дискурсе образ горы символизирует не только связь миров, но и синкретизм прошлого, настоящего и будущего.

Связующей силой, объединяющей временные пласты, является водная стихия, отсюда и особая функциональная нагрузка пространственных символов – озера Джайлю, Чулышман-реки, реки Катунь, Обь-реки, ручейков и т. д. Вода также является фундаментальной стихией мифопоэтики. Образ реки широко представлен в мифах и сказках: очень часто герой преодолевает реку, черпает из неё воду, плывёт вдоль или против течения в поисках необходимой вещи и т. д. У Гребенщикова водные пространственные символы – эквиваленты жизненных «соков» природы, человека.

Примечательно, что «повалился камень-богатырь в озеро Джайлю всей своей великой тяжестью» [3, 189]. Озеро в мифологической традиции является вариантом образа космической реки.

«И разбился край у чаши [озера. – Т. П.] изумрудной» [3, 189]. В мифопоэтике словесный образ «чаши», как и большинство архетипических знаков, имеет двойственную символику: «Это точка, откуда всё происходит, а с другой стороны, место, куда всё возвращается» [5]. В народных сказках образ «чаши» символизирует метаморфозу возвращения жизни, молодости, красоты...» [5, 35].

Опрокинувшись, изумрудная чаша Алтая породила громадный горный поток – Чулышман-реку. «И вот во тьме среди камней, в расщелине залепетал подземный ручеек – бесстрашный вестник с высоты Алтая. От струй его повеяло снегами и крылами ветра» [3, 190]. Вольная стихия воды – божественного первоэлемента вселенной – преодолевает преграды, чтобы принести Катунь-Су «бессмертное дыхание любви». Вода – это чудо красоты

и бесконечности. В мифологической метафорике сама любовь, как правило, нередко отождествляется с водой. Мифопоэтической традиции хорошо известна амбивалентность символа воды: вода может быть живой и мёртвой, но ещё «лживой и коварной», тем не менее в гребенщиковском метатексте реализуется позитивная семантика: волшебница вода хлынула в подземные пещеры, «запел о воле буйный ветер» [3, 190], который «подхватил и вырвал пленницу Эрлика из недр его тёмного царства...» [3, 190], и «отступили в смертном страхе слуги преисподней» [3, 190].

В художественной мифологии Гребенщикова счастье даётся жертвенной жизнью, страданием. Сказочные метаморфозы действуют здесь как созидающее начало. Всё может стать всем, всё обратимо: жизнь и смерть, начало и конец, счастье и страдание. Урсул-Ойрот-Пастух «превратился в камень-великан гранитный», Катунь-Су, упав с таинственной горы Белухи, зашумела «красавицей рекой Катунью». Но Хан-Алтай ждёт, когда придёт «время великих превращений», и мир познает их силу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Каташ С.С. Древняя мудрость народа // Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. – Барнаул, 2002. – С. 24.
2. Балакина Е.И. «Откуда есть пошла земля Сибирская...» // Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. – Барнаул, 2002. – С. 13.
3. Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. – Барнаул, 2002. – С. 172.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. Гл. ред. С.А. Токарев. – М., 1982. – Т. 1. – С. 365.
5. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. – М., 1996. – С. 34.

T. Polyakova

«KHAN-ALTAI» BY GEORGIY GREBENSHCHIKOV: MYTHOPOETICS OF EROS

Abstract: G. Grebenshchikov is an outstanding Russian writer-emigrant of the XX century. His literary heritage is devoted to the fate of Altai. The writer connects the mystery of Altai with the power of divine Eros. In «Khan-Altai» love embodies the All-unity of the world, happiness is given through sacrificial life, through suffering. The artist has in his view the cherished transformation of the world when evil will lose its power.

Key words: myth, poetics, the law of love, all-unity.